

ЛЪГОТА ДОНСКИХЪ КАЗАЧЬИХЪ ОФИЦЕРОВЪ.

(По поводу статьи г. Л. Доможирова ¹⁾).

Въ августовской книжкѣ «Военнаго Сборника» помѣщена весьма интересная статья г. Л. Доможирова «Льгота казачьихъ офицеровъ». Написанная съ глубокою любовью къ казачеству, необыкновенно живо и талантливо, она въ яркихъ и привлекательныхъ краскахъ рисуетъ казачью офицерскую льготу. Безъ льготы казачьихъ офицеровъ, по мнѣнію г. Л. Доможирова, не будетъ и казачества. «Приказъ же объ упраздненіи льготы», заканчиваетъ онъ свою прекрасную статью, — «будетъ смертнымъ приговоромъ казачеству: — появится, можетъ, тогда на Руси кавалерія изъ казаковъ, — но самихъ казаковъ не будетъ!...»

Признаюсь, на меня, пятнадцать лѣтъ на столбцахъ «Русскаго Инвалида», «Развѣдчика» и «Вѣстника русской конницы» борющагося противъ офицерской казачьей льготы, противъ шатанія офицеровъ изъ полка на льготу и снова въ полкъ, эта статья произвела сильное впечатлѣніе. Неужели, — думалъ я, — я всѣ эти пятнадцать лѣтъ ошибался. Неужели всѣ мои наблюденія ложны, неужели тотъ идеальный строй жизни офицера-казака, который начерталъ въ своей блестящей статьѣ г. Л. Доможировъ, существуетъ въ жизни, и только я его проглядѣлъ. И, если это такъ, то слѣ-

¹⁾ «Военный Сборникъ», августъ 1908 г. «Льгота казачьихъ офицеровъ».

дуетъ возможно скорѣе, печатно, во всеуслышаніе покаяться въ своихъ заблужденіяхъ, покаяться пока не поздно. И я перечитывалъ статью «Военнаго Сборника», и я вновь перебиралъ собранные мною за эти 15 лѣтъ матеріалы по поводу казачьей льготы. И особенно остановился я на письмахъ одного казачьяго генерала, всю жизнь прожившаго съ казаками, бываваго и на льготѣ, знающаго казака и въ строю, и въ станицѣ, и любящаго казака, какъ представителя славнаго боевого прошлаго Россіи. И чѣмъ болѣе я вдумывался въ статью г. Л. Доможирова, тѣмъ болѣе успокаивался я. Въ ней, въ этой статьѣ, допущена чудовищная передержка. Но авторъ самъ такъ любовно настроенъ къ описываемому имъ предмету, наблюдалъ почти исключительно положительные типы, что можно съ увѣренностью сказать, что онъ самъ ее не замѣтилъ.

Для автора,—если не ошибаюсь, Оренбургскаго казака—до роже всего воспитаніе казака, даже не воинское, а просто воспитаніе казака. Офицеръ, живя на льготѣ рядомъ съ казакомъ, воспитываетъ его въ духѣ дисциплины и порядочности и создаетъ того покорнаго, [преисполненнаго высокимъ сознаниемъ долга и чувствомъ глубокаго патріотизма казака, которымъ по справедливости можетъ гордиться Россія. Полковая служба офицеровъ, ихъ строевая служба, по мнѣнію автора, пустяки; главное—*это служба внутри войска* во всѣхъ видахъ ея и формахъ. Совершенно безсознательно авторъ подходитъ къ тому деревенскому учителю, который создалъ Германію. Офицеръ на льготѣ, по мнѣнію автора, остается тѣмъ же офицеромъ, и это онъ то и создаетъ тотъ глубоко патріотичный семейный строй, изъ котораго легко уже сдѣлать истиннаго казака.

Въ стремленіи своемъ доказать правоту своей мысли авторъ впадаетъ въ странныя противорѣчія. По его мнѣнію, эта невидимая работа льготнаго офицера создаетъ уже изъ молодежи настолько очевидный матеріалъ, что «еще до ухода въ полкъ казакъ въ станицѣ настолько опредѣленно складывается, сформировывается, что еще до отправления команды на службу въ станицѣ даже бабы знаютъ, кто въ пошку будетъ вахмистромъ, урядникомъ, хлѣбопекомъ и т. п. и даже предрѣшаютъ, кто попадетъ въ дисциплинарный баталіонъ или тюрьму» (стр. 103). Значитъ, если работа офицеровъ на льготѣ велика, казаки еще до поступленія въ полкъ такъ подготовлены, что на всю жизнь полкъ закрѣпить въ нихъ этотъ

съ малолѣтства привитой имъ офицерами льготы воинскій духъ. На дѣлѣ, на той же самой 103-й страницѣ, нѣсколькими строками выше г. Л. Доможировъ пишетъ:

„изъ полка казаки приходятъ сравнительно съ прежнимъ, дѣйствительно, выправленными, подбритыми, подстриженными, франтовато одѣтыми, развязными и т. д., но все это,—эта «краска», какъ говорятъ въ станицѣ, черезъ два, три мѣсяца съ казака сходитъ, и передъ станичными обитателями онъ снова является такимъ, какимъ его видѣли до ухода въ полкъ; пьяница остался пьяницей, воръ, мошенникъ не сдѣлался честнымъ казавомъ, а принялся опять за прежнее ремесло, лѣнтяй не сталъ трудолюбивымъ, изъ лодыря не вышелъ хозяинъ, изъ коровьяго пастуха не получился конскій и т. п.“

Какъ вы думаете, г. Доможировъ, почему это? Почему служба латыша или поляка въ кавалерійскомъ полку совершенно мѣняетъ всѣ его міровоззрѣнія и изъ вора часто, почти всегда, дѣлаетъ честнаго человѣка, на много лѣтъ сохраняетъ ему и воинскую выправку, и воинскій духъ, такъ что вы, стоя передъ толпою въ тысячу человѣкъ, безъ ошибки говорите: этотъ служилъ, а этотъ нѣтъ, а служба казака въ первоочередномъ полку проходитъ безслѣдно?

Да, потому, что офицеръ кавалеристъ, тѣсно связанный съ полкомъ, офицеръ, въ котораго вы въ своемъ станичномъ самомнѣніи бросаете грязью, называя его представителемъ «безпочвенной интеллигенціи» (стр. 101), воспитывалъ своего нижняго чина, любя безумною любовью родной полкъ, родной штандартъ и передавая эту любовь и ему, далекому отъ этихъ святыхъ именъ, чуждому по національности, по языку—крестьянину; казачій же офицеръ, раздавленный матеріально льготою, сбитый со всѣхъ позицій заботами кочевой жизни, смотритъ очень часто на службу въ первоочередномъ полку, какъ на нѣчто преходящее, что нужно отбыть какъ нибудь.

Строй, для васъ г. Л. Доможировъ—пустяки. Строевымъ офицеромъ быть и стать легко. Подчиталъ на льготѣ передъ отправленіемъ въ полкъ уставы, «покатался» на мерешкѣ верхомъ и—станичники потрафляй! Не подведутъ!

Къ чести станичниковъ сказать—они не подводятъ. Не одна казачья голова въ минувшую войну заплатила за невѣжество въ военномъ дѣлѣ своихъ начальниковъ со льготы. Да, если бы только головами казачьими расплачивалось казачество, за него! это еще

поль бѣды. Много крови казачьей пролито по бѣлому свѣта, много еще и прольется. Нѣтъ, казачество заплатило за военную неподготовленность своихъ начальниковъ *своею славой*. Чувствуете ли вы, благодумствуя въ станицѣ со станичниками въ душеспасительныхъ разговорахъ, что слава казачья померкла во время послѣдней войны? Возьмите хотя бы дѣло 17-го октября 1904 года у дер. Лидіонтуни. Есаулъ Косоротовъ, по наитію свыше, по казачьей сметкѣ, атакуеть батарею одною неполною сотней. А что дѣлають остальные сотенные, полковые и далѣе командиры? Смотрятъ!.. Да, только смотрятъ, и никто не помогаетъ. Гдѣ же воспитаніе этихъ офицеровъ?! Вотъ вамъ плоды льготы. Въ полку съ офицерами, всею своею жизнью сжившимися другъ съ другомъ, развѣ это возможно?!

Въ томъ же № «Военнаго Сборника», въ которомъ помѣщена статья г. Доможирова, печатаются очень интересныя «Воспоминанія о турецкой войнѣ» Ф. Гершельмана. Смотрите, какъ далеко не лестно отзывается онъ о донскихъ казакахъ.

«Наконецъ пишетъ онъ,—генераль Циммерманъ „мало полагался въ этомъ случаѣ на казаковъ, которыхъ считалъ малонадежными, и сомнѣвался въ ихъ стойкости, на что указывалъ въ нѣкоторыхъ своихъ письмахъ къ военному министру. На этомъ основаніи генераль Циммерманъ дорожилъ получить регулярную кавалерію, бригада которой и была ему прислана въ августъ изъ Одесскаго округа. Малое довѣріе къ казакамъ имѣло нѣкоторое основаніе. Не говоря уже о скромномъ участіи ихъ въ Меджидійскомъ дѣлѣ и крайне малой дѣятельности на фронтѣ корпуса вообще, были и такіе, напримѣръ, факты. Какъ то разъ, это было позже, три казачьихъ полка вышли на повскъ съ начальникомъ дивизіи, и въ результатъ было донесеніе такого содержанія:—«урядникъ Сергѣевъ видѣлъ «тамъ-то» бивакъ двухъ полковъ египетской кавалеріи—(стр. 56).

«Не любили»,—говоритъ въ другомъ мѣстѣ г. Ф. Гершельманъ «гаврилычи» близко подходить въ одиночку». (стр. 55).

Чѣмъ прославилась себя минувшую войну 4-я Донская дивизія, сплошь взятая со льготы?

Гдѣ славныя дѣла Оренбургскихъ казаковъ въ минувшую войну? Два войска—Донское и Оренбургское съ наиболѣе ярко выраженной льготой офицерскаго состава ничѣмъ не поддержали, чтобы не сказать болѣе, своей славы на поляхъ Шахе и Мукдена. И виноваты не казаки. Казаки и урядники рвались въ бой. Имъ было стыдно идти съ пустыми руками, безъ славы, безъ трофеевъ домой. Изъ за японскаго карабина жертвовали жизнью. Хотя что нибудь при-

вести въ станицу! А то дома засмѣютъ. Ну, а начальники отъ командира сотни и выше—они обтерпѣлись на льготѣ. Имъ видно не было стыдно!

Почему въ турецкую войну казаки со Струковымъ берутъ Барбошскій мостъ и выдвигаютъ изъ своей среды генераловъ Грекова (Митрофана) и Краснова (Данилу), обоихъ, службу «оторванныхъ отъ станицы и ея жизни, получившихъ со всѣми одинаковое образование и воспитаніе, слившихся съ общей массой російскаго офицерства»...

Ссылка на Платова и Бакланова ничего не доказываетъ. Времена были тогда не тѣ. Тогда и фельдмаршалы еле російской грамотѣ разумѣть умѣли, а теперь отъ офицера требуется много ума, развитія и пониманія современнаго боя. Безъ этого пониманія только людей погубишь. И рельефный примѣръ этому:—атаки спѣшенными сотнями всѣхъ казачьихъ войскъ отряда генерала Мищенко желѣзно-дорожной станціи Инкоо въ декабрѣ 1904 года. Освѣщенные заревомъ пылающихъ громаднхъ складовъ, какъ бабочки на огонь, густыми цѣпями, прямо въ лобъ, на окопы, ничего не видя, шли казаки, ведомые генераломъ Харановымъ.

Но г. Доможировъ этого не признаетъ. Слушайте, какъ легко онъ пишетъ о военномъ дѣлѣ.

... „Какъ наисплзвѣйшій аргументъ противъ льготы въ первую очередь всегда выставляется отсталость казачьихъ офицеровъ, ихъ во всѣхъ смыслахъ служебное невѣжество. Про него такъ много говорится и такъ откровенно пишется, что обидно и вмѣстѣ съ тѣмъ стыдно читать. Хотя, конечно, странно было бы утверждать, что въ казачьей службѣ и въ отношеніи къ ней офицеровъ все обстоитъ благополучно. Надо смѣло признать, что очень часто офицерамъ нашимъ слѣдуетъ поглубже проникнуться сознаниемъ своихъ обязанностей, интересоваться службой, побольше читать, слѣдить за текущей военной литературой, заглядывать въ исторію и т. д. и частенько попросту подаубривать и толково понимать уставъ“...

Боже мой, да какъ же это осуществить! Во первыхъ, гдѣ же льготному офицеру, да еще по словамъ г. Доможирова живущему въ станицѣ, а то и на хуторѣ, на мѣдные гроши, одною жизнью съ казаками, слѣдить за текущей военной литературой. Много ли льготныхъ офицеровъ выписываютъ «Русскій Инвалидъ»? «Вѣстникъ русской конницы» не можетъ развернуться по неимѣнію достаточнаго числа подписчиковъ. Даже болѣе свободные, а потому охотнѣе читаемые (пріятно, знаете, когда начальство вы-

ругаютъ)— «Развѣдчикъ» и «Офицерская жизнь» еле сводятъ концы съ концами. Гдѣ же такому офицеру выписывать новыя книги, «слѣдить за литературой». «Заглядывать въ исторію»...—въ какую? Иловайскаго, или Беллярмина, случайно найденную у станичнаго батюшки... такъ ей .Богу не стоитъ! Станичная литература нынче—или сплошь лѣвая, политическія брошюрки, или «Пинкертоны», Записки кушетки и т. п. Можно, наконецъ, прочесть всю «литературу» и не стать порядочнымъ офицеромъ. Казачья служба—служба полевая и конная. Только на конѣ и въ полѣ казачій офицеръ научится своему дѣлу, оцѣнивать мѣстность и такъ привыкнуть къ ней, чтобы чувствовать на ней несвойственные ей предметы: — замаскированные окопы, одѣтыхъ въ защитное платье людей.

Если бы льгота посвящалась отъѣзжому полю и охотѣ съ казаками—о, тогда, г. Доможировъ, я бы тоже сказалъ, что льгота это дѣло, а прочее все гиль. Но вѣдь льгота—это разборъ дѣла объ украденной казакомъ Пастуховымъ у казачки Гнилорыбовой курицѣ, суды и пересуды о томъ, что Марья обругала Дарью, это не «продолженіе, или видоизмѣненіе службы», какъ пишетъ г. Доможировъ, а просто лѣнивое прозябаніе въ теплой избѣ. на полатахъ, мелкія сплетни и интриги. Офицеру въ станицѣ. какъ увидимъ ниже, при теперешней постановкѣ дѣла нечего дѣлать.

Все горе въ томъ, что г. Доможировъ малымъ доволенъ. Его радуеть и умиляетъ, что бородачи казаки Оренбургской казачьей и Донской дивизіи проѣхали по желѣзной дорогѣ отъ мѣста посадки до Мукдена и Тѣлина и обратно и никого не ограбили. Все было тихо и въ порядкѣ, и желѣзнодорожная администрація очень одобрила ихъ. Этого мало!! Мало!!! Эти бородачи *ничего не сдѣлали* въ этой ужасной войнѣ и не сдѣлали потому, что не были обучены.

Защитники льготы совершенно забываютъ, что война—это полное напряженіе всѣхъ физическихъ и моральныхъ силъ. Къ войнѣ. какъ къ подвигу, нужно готовиться своеобразными постомъ и молитвою. Постоянная тренировка и глубокое знаніе военнаго дѣла—вотъ, что нужно теперь офицеру. Офицеръ невѣжда, который, можетъ быть, умѣетъ самъ вынести навозъ изъ конюшни, или «залатать» шаровары, или подбить подметки подъ сапоги, идеаль офицера—станичника, не разберется въ самой простой боевой обстанов-

къ, не напишетъ въ полѣ самого легкаго донесенія, не нарисуетъ кроки. Въ полѣ онъ ничѣмъ не будетъ отличаться отъ казака. На что онъ?!..

Офицеръ на льготѣ опускается не въ смыслѣ потери извѣстнаго лоска, какъ то думаетъ г. Доможировъ, не въ смыслѣ отсталости отъ моды; не то бѣда, что у него не будетъ моднаго пальто, каблукъ (? странная мода), или модной бородки (стр. 112)—а бѣда въ томъ, что у него будетъ пудовое ватное пальто, безъ котораго онъ боится простудиться и которое онъ заставитъ возить въ жару своего вѣстового; резиновыя калоши, масса галстуховъ, напульсниковъ и набрюшниковъ—въ которыхъ онъ не побѣжитъ; бѣда въ томъ, что на льготѣ сильно развиваются привычки мирнаго времени: лѣнь, вырастаетъ кругленькій животикъ, и къ сорока годамъ вѣсъ легкаго казачьяго эсаула приближается къ семи пудамъ. Ъзда каждый день становится не въ моготу, и центръ командованія сотней относится въ казарму, классъ и канцелярію... Вотъ гдѣ «зарыта собака» льготы...

Но у льготы есть одна очень важная черта. Льготный офицеръ живетъ въ станицѣ, льготный офицеръ не теряетъ связи съ казачкомъ, льготный офицеръ и на службѣ «свой» для казака, и казакъ охотно за нимъ идетъ и вѣритъ ему больше и любитъ его крѣпче. Казака въ станицѣ воспитываетъ офицеръ.

Да, но даже самые рьяные борцы противъ льготы никогда этого не забывали. Они всегда помнили, что въ казачьихъ войскахъ есть вторая и третья очереди, есть подготовительный разрядъ и, любя войско, не такую любовью, какъ г. Доможировъ, а, заботясь о славѣ родного войска, они крѣпко думали о томъ, чтобы не только на людяхъ, то есть на службѣ въ первоочередныхъ полкахъ, но чтобы и дома все было хорошо.

Не считая себя компетентнымъ въ данномъ вопросѣ, я приведу сейчасъ мысли по поводу первоначальной подготовки казаковъ одного генерала, всю жизнь прослужившаго съ донцами. Очень жалѣю, что не уполномоченъ обнаружить его имя, но знаю, что имя это глубоко авторитетно среди казаковъ.

Прежде всего, какова роль льготнаго офицера въ войскѣ Донскомъ? Согласно приказа по военному вѣдомству 1905 года № 447 въ подготовительный разрядъ казакъ зачисляется 19-ти лѣтъ и состоитъ въ немъ два года, причемъ въ первый годъ пребыванія въ немъ онъ приготовляетъ необходимое для службы снаряженіе, воо-

руженіе и обмундированіе; строевую же лошадь онъ долженъ приобрѣсти къ выходу на службу. (ст. 10. п. 1.).

До этого времени никто изъ офицерскаго состава до юноши казака не касается. Въ школахъ учатъ батюшки, учителя и учительницы—иногда урядники, иногда окончившіе учительскую семинарію, и очень рѣдко офицеръ на льготѣ къ этому приложитъ свою руку. Казака воспитываетъ семья, и, дай Богъ ей добраго здоровья,—пока отлично воспитываетъ. Но офицеръ на льготѣ до этой семьи не касается, въ этомъ и самомъ важномъ дѣлѣ—онъ ноль. Живетъ онъ въ станицѣ или нѣтъ—все равно; пока еще новая молодежь не захватила все въ свои руки, семья тверда и въ вѣрѣ Христовой, старой или новой, все равно, и въ любви къ родинѣ и семейной дисциплинѣ... Напротивъ, очень часто офицеръ, живущій на льготѣ въ станицѣ, даетъ для твердаго уклада семейной жизни казака примѣръ отрицательный. Потому что не всѣ офицеры такъ идеальны, какъ то думаетъ г. Доможировъ.

Обученіе казаковъ приговорительнаго разряда ведется такъ:—съ осени перваго года пребыванія въ приговорительномъ разрядѣ казаки привлекаются къ обученію военному дѣлу въ станицахъ и хуторахъ. Продолжительность этихъ сборовъ три недѣли, причѣмъ занятія могутъ вестись непрерывно, или съ перерывами, но въ послѣднемъ случаѣ съ тѣмъ, чтобы казаки собирались на срокъ каждый разъ не менѣе 7 дней (тамъ же ст. 2. п. II.). На второмъ году пребыванія въ приговорительномъ разрядѣ казаки собираются на годныхъ лошадяхъ въ трехнедѣльный учебный лагерный сборъ, во время по усмотрѣнію наказныхъ атамановъ (обыкновенно въ маѣ мѣсяцѣ—тамъ же ст. 2. п. б.).

Итого за два года—шесть недѣль занятій, раздѣленныхъ на четыре приѣма, три раза всего по одной недѣлѣ и одинъ разъ на три недѣли. Кто самъ велъ эти занятія съ казаками, тотъ не станетъ спорить, что въ столь короткое время ничего нельзя сдѣлать. При этомъ въ первый годъ весною, въ маѣ, а на службу казакъ идетъ въ январѣ, то есть черезъ 8 мѣсяцевъ послѣ того, какъ съ нимъ послѣдній разъ занимались. Очевидно, что это уже будутъ не занятія, а просто отбытіе номера.

Обычное явленіе въ полкахъ первой очереди, что молодые казаки прибываютъ ровно ничему не обученные ни въ конномъ, ни въ пѣшемъ строю и совершенно не знаютъ свѣдѣній, обязательныхъ для каждаго казака, но иногда нѣкоторые порядочно рубятъ,

что объясняется тѣмъ, что казаки уже на Дону знаютъ, что на рубку нажимаютъ въ полкахъ, почему и практиковались *сами*— (характерно по вопросу, кѣмъ и какъ ведутся занятія). Многие казаки въ лагерномъ сборѣ совсѣмъ не были, и кромѣ урядниковъ никто съ ними не занимался!

Гдѣ же работа офицера на льготѣ, про которую такъ красиво писать г. Доможировъ!??

Казачью офицерскую льготу нужно устроить на совершенно новыхъ, разумныхъ, чисто практическихъ началахъ.

А именно:—согласно организаціи службы войска Донского, весь запасъ полковъ 1, 2 и 3 очереди дѣлится на полковья звенья, имѣя въ каждомъ звенѣ по три полка:—одинъ полкъ 1-й очереди на службѣ, 1 полкъ 2-й очереди на Дону на льготѣ и одинъ полкъ третьей очереди тоже на Дону на льготѣ. Напримѣръ: первое полковое звено—полкъ № 1 на службѣ, полкъ № 18 (вторая очередь) на Дону на льготѣ и полкъ № 35 (третья очередь) на Дону, на льготѣ. Всѣ три полка полкового звена формируются изъ одного округа и даже ближайшихъ станицъ и хуторовъ; полковымъ звеномъ завѣдуетъ штабъ офицеръ, и по полкамъ распределены льготные офицеры. Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ войсковая организація, существующая нынѣ, и надо отдать справедливость очень остроумная, если только педантично провести ее въ жизнь, а для этого нужно:

1) Командовать полковымъ звеномъ назначать штабъ офицера, занесеннаго въ кандидатскій списокъ на полкъ, т. е. штабъ офицера, подготовленнаго къ командованію полкомъ. Дать ему содержаніе помощника командира полка и фуражныя деньги, или фуражъ натурою. Дать адъютанта и небольшую канцелярію *и обязать жить въ станицѣ, гдѣ формируется полковое звено и имѣть строевую лошадь.*

2) Командовать сотнями полкового звена (одна сотня второй очереди и одна третьей очереди) назначить есауловъ, откомандованныхъ сотнями въ полкахъ первой очереди и аттестованныхъ достойными къ дальнѣйшему повышенію по службѣ. Дать имъ содержаніе сотеннаго командира, фуражныя деньги, или фуражъ натурою, обязать жить въ станицѣ, или на хуторѣ, гдѣ формируются сотни полкового звена 2 и 3 очередей и имѣть строевыхъ лошадей.

3) Въ помощь сотеннымъ командирамъ назначить по одному оберъ-офицеру, въ чинѣ сотника или подъесаула, съ содержаніемъ, какъ на дѣйствительной службѣ, обязавъ ихъ жить при штабѣ сотенъ и имѣть строевыхъ лошадей.

Такимъ образомъ, каждое полковое звено изъ двухъ полковъ (одного второй и одного третьей очереди) будетъ имѣть своего командира штабъ-офицера, шесть сотенныхъ командировъ есауловъ, шесть оберъ-офицеровъ и одного оберъ-офицера адъютанта (онъ же завѣдующій оружіемъ).

Вотъ только при такой организаціи офицеръ на льготѣ будетъ не только жить среди казаковъ, но и работать и обучать ихъ. Отъ ноября до апрѣля у казаковъ время свободно. Лишь бы работать дома. Казакъ не любитъ, когда его на занятія зовутъ за десятки верстъ. Въ лагерные сборы полки второй очереди выйдутъ на собственныхъ строевыхъ лошадяхъ, и полки третьей очереди могутъ выходить на своихъ рабочихъ лошадяхъ, какъ это дѣлается теперь въ приговорительномъ разрядѣ.

Но, самое важное—это то, чтобы все это исполнялось. И, какъ ни стыдно намъ въ этомъ сознаться, но необходимо нужно, чтобы была такая палка, которая могла бы все это контролировать. И самъ собою назрѣваетъ вопросъ имѣть въ распоряженіи генераль-инспектора кавалеріи надежнаго генерала казака, съ правами по отношенію къ казакамъ корпуснаго командира.

Изъ такого распредѣленія офицеровъ по полкамъ 1, 2 и 3 очереди самъ собою и весьма просто разрѣшается вопросъ о льготѣ казачьихъ офицеровъ, льготѣ—не прозябанію въ станицѣ, безъ опредѣленнаго военнаго дѣла и занятій, но льготѣ полезной и необходимой для войска.

Нужно всѣхъ состоящихъ на службѣ на Донѣ въ полковыхъ звеньяхъ офицеровъ считать на дѣйствительной службѣ и отпустить имъ все положенное на дѣйствительной службѣ содержаніе (жалованье, столовая, квартирныя, суточные, фуражныя и т. д.). Изъ числа ихъ оставить на Донѣ въ штатѣ полковыхъ звеньевъ:— 17 штабъ офицеровъ, по числу звеньевъ, 102 есаула по одному на 2 сотни 2-й и 3-й очередей, 102 оберъ-офицера въ помощь этимъ есауламъ, въ чинѣ сотниковъ, или подъесауловъ для занятія должностей адъютантовъ и завѣдывающихъ оружіемъ въ полковыхъ звеньяхъ.

Всѣхъ этихъ офицеровъ назначать на службу на Донъ въ полковые звенья только одинъ разъ за всю ихъ оберъ-офицерскую службу и держать на Дону три года.

Остальныхъ, всѣхъ безъ исключенія, штабъ и оберъ-офицеровъ имѣть постоянно на службѣ въ полкахъ 1-й очереди.

Если бы съ отмѣной льготы въ казачьихъ полкахъ образовался большой комплектъ оберъ-офицеровъ, то часть ихъ можно прикомандировать къ кавалерійскимъ полкамъ. Мѣра эта принесетъ ту пользу, что казачьи офицеры въ кавалерійскихъ полкахъ научатся обучать, чѣмъ, къ сожалѣнiю, казачій офицеръ похвастать не можетъ.

Вотъ, какъ думаютъ о льготѣ люди, берегущiе боевую славу Донскихъ казаковъ.

Я не сталъ бы писать о статьѣ г. Л. Доможирова, если бы она не была написана талантливо. Талантъ, какъ всякое хорошее орудіе, часто бываетъ опасенъ. Статья Л. Доможирова опасна тѣмъ, что указываетъ путь простой и легкой. Легче ничего не дѣлать на льготѣ, легче не учиться въ корпусахъ и училищахъ и быть самородкомъ, какъ Платовъ и Баклановъ, нежели изучать военное дѣло. Но Платовы и Баклановы родятся вѣками. Ихъ не выдвинула послѣдняя война. Мы живемъ въ вѣкъ труда и работы. Безъ работы надъ казакомъ мы не будемъ имѣть казака. Казака гражданина воспитаетъ офицеръ учитель, но казака воина даетъ только отличный офицеръ изъ строя. Идеаль войскового устройства тотъ, чтобы и на хуторѣ, и въ станицѣ въ школѣ, предсѣдателемъ гимнастическаго, стрѣлковаго, скаковаго, любителей плаванья, охотничьяго и прочихъ обществъ—былъ офицеръ. Увы, станицы далеки отъ этого идеала, и станичникамъ и не снятся на ихъ пуховыхъ перинахъ такія общества. Жизнь подсказываетъ иной путь. Первоочередной полкъ съ отборнымъ трудолюбивымъ казачьимъ офицерствомъ станетъ школой патриотизма и воинскаго духа. Вторая очередь съ постояннымъ кадромъ образованныхъ офицеровъ поддержитъ первую. *А для этого нужно прежде всего уничтожить льготу въ томъ видѣ, какъ она есть!*

Терское и Кубанское войска, давно опередившія Донское въ строевомъ отношеніи, уже сдѣлали шагъ въ этомъ направленіи. Очередь за Донскимъ. Голосъ г. Л. Доможирова зоветъ назадъ. Опасно не только идти назадъ, но опасно даже стоять на мѣстѣ теперь, когда вся жизнь такъ сильно и могуче рванула впередъ.

Не нужно смущаться статьей г. Л. Доможирова—это голосъ защитниковъ системы, которая послѣ эпохи отечественной и Кавказской войнъ не дала ни одного славнаго имени, не удержала славу дѣдовъ-донцовъ на былой высотѣ.

Нуженъ новый путь. Нужно образованіе, работа, а не прозябаніе въ занесенной снѣгомъ, мертво спящей станицѣ. Кто любитъ казаковъ, какъ лучшихъ воиновъ міра, тотъ не станетъ отстаивать льготу!

П. Краснобъ.

